

Владимир Тайх
Дженифер

Этот день прочно вошел в мою память. Лагерь для перемещенных лиц, Гамбург, на языке перемещенных – общежитие. Двенадцать бараков на территории, обнесенной забором из штампованной сетки. Вход, выход, проход транзитом через три калитки и ворота для автотранспорта вполне свободные. Кроме бараков корпус администрации с залом для собраний и технический – прачечная, склад мебели, постельных принадлежностей и рабочий кабинет «хаузмастеров».

Нас поселили в «корпусе» № 7. Бараки двухэтажные. На каждом этаже 6 комнат по 15 кв. метров, большая общая кухня, два туалета и один душ. Широкая лестница на 2-й этаж наружная, металлическая, со ступенями, облитыми штампованной резиной.

Вот именно на этой площадке второго этажа наружной лестницы я и встретил ее в солнечный день 13 апреля 2004 года. Я поднимался и увидел ее ясный взгляд и улыбку, поощряющую меня на вступление в разговор.

Я остановился чуть ниже, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Она была прелестна. Милое лицо украшали выразительные умные глаза и сногшибательная прическа – пробор в центре расходящихся гладко волос, переходящих в волны и кольца и заканчивающихся четкими фестонами, как у героинь Брюллова. На ней изумительно сидело платье, только с первого взгляда кажущееся простым.

Я сказал:

– О, это очень легкомысленно, выйти одной в таком месте. Вас просто могут похитить.

– Я не одна. Вот мои родители. Мы родственники ваших соседей. Действительно, в метре от нее за открытым окном сидели за столом, гремя посудой и изрыгая сигаретный дым, наши соседи из Петербурга, и незнакомая дама насмешливо поглядывала на меня. Я понял – мама.

– Вы, наверное, хотите познакомиться, – неожиданно спросила моя собеседница, – меня зовут Дженифер.

Я увидел, как мама сжала губы, чтобы не расхохотаться, ее щеки и кадык пульсировали, она делала знаки своим собеседникам, кинула и в меня острый взгляд «что, получил?».

Что ж, я ей отвечаю.

И я показал, как я поражен именем прелестной дамы. И я воскликнул:

– Ооо-о!

и

– Ах, как это прекрасно. Дженифер! Дженифер! А мое имя Владимир. Пойдете за меня замуж, Дженифер?

– Может быть. С вами интересно, Владимир. Мне нравится, что вы не спросили: «Кто это вам придумал такое имя?».

– Это глупый вопрос, Дженифер. Зачем надо что-то придумать? Это ваше имя. ваше, и все!

– Замечательно! Признаюсь, вы первый сделали мне предложение. Вы умны, Владимир. Скажите, вас не смущает значительная разница в нашем возрасте? Сколько вам лет?

– Недавно мне исполнилось 68.

– А мне через две недели исполнится семь. Правда ведь, мы можем до моего совершеннолетия дружить, встречаться, обсуждать прочитанные книги, увиденные кинофильмы?

– Конечно, Дженни! Вы мне позволите так вас называть?

– Если только вам!

– Мне даже кажется, что при вашем уме и красоте разница в наших возрастах не будет так уж бросаться в глаза. Это ответ вам – разница в возрасте меня не смущает. В свою очередь вопрос к вам – вас не смущает то, что я женат?

– Наверное, нет. Я посоветуюсь с мамой.

За окном забубнили, очевидно, считая, что настал момент прийти на помощь девочке.

– Да что вы, – услышал я голос матери, – она еще задаст ему перца! Не он первый.

– Какой вы представляете меня в подвенечном платье?

– О, сногшибательной! Изящной и высокой, с зеленым светом глаз, пробивающим плотную вуаль опущенной фаты. Прическу менять не будем.

– Мне бы хотелось короткую челку волной. Как вы на это смотрите?

– Думаю, челка простит такое неординарное лицо, воздержимся.

– Понятно. Но вот... у меня не зеленые, простые серые глаза.

– Ну, так до свадьбы еще не день, не два...

– Но, Владимир, не это меня сейчас беспокоит... видите ли... не знаю, как начать. Ну, да вам можно. У меня, знаете, совсем не растет грудь. Вот проведите рукой, проведите, я вас не стесняюсь.

– Зачем рукой, я вижу, у вас с этим полный порядок. И начнется это не раньше, через три года.

– А вам нравится большая грудь?

– Да нет, здесь важнее не количество, качество.

– А как это? Расскажите, расскажите...

– Конечно же, расскажу, у нас впереди целая жизнь.

– Дженифер! – победный баритон мамыши ударил в уши. – Перестань смущать молодого человека, пойдй погуляй, поиграй с детьми.

Девочка манерно протянула ручку, как для поцелуя. Секунду я даже колебался, но она мимикой – глазами, носиком, ужимками – показала: «не надо, при них нельзя». И грациозно запрыгала вниз по лестнице.

– Прощай, Дженифер!

– До свидания!

Жена моя Люда смотрела кинофильм по видеоманитофону.

– Не пора ли обедать?

– Через 25 минут закончится, подожди.

И вот через эти 25 минут, возвращаясь в комнату и вытирая руки, я с удивлением увидел мою прелестную почти невесту, входящую в общий коридор с обратной стороны, с пожарной лестницы.

– О, Дженифер, прошу. Познакомьтесь, это моя жена.

- Людмила.
- Дженифер. Мне ваш муж сделал предложение. Вы не сердитесь?
- Ну что вы! Я рада, что у него такая красивая и умная невеста.
- Я пока не могу претендовать на это звание. Я ведь еще не дала ему ответа.
- Все равно это необходимо отметить. Прошу к столу. Вы любите кизиловое варенье?
- Наверное, да. Ой, а что у вас так вкусно пахнет?
- Это шейка, фаршированная курица.
- Вы знаете, Людочка, это самое вкусное, что я ела в своей жизни. И вот скажите мне, любовь обязательное условие для брака?
- О, в этом вопросе большой специалист ваш Владимир.
- Да, Дженни, это очень желательное обстоятельство.
- А как, как узнать, что меня захватила, околдовала любовь?
- А как вы узнаете, что ботинок натирает вам ножку?
- О, я поняла! Я поняла. Мне кажется, что я очень скоро полюблю вас.
- Тебе не надоело морочить голову ребенку?

Она подседа ко мне вплотную, говорила еле слышно, в ухо:

– Девчонки много болтают о первой брачной ночи, я много об этом слышала, но ничего не понимаю. Что, в сущности, происходит именно в эту ночь? И почему в ночь? Мама говорит «нос не дорос». Но как я стану вашей женой, когда буквально все секрет и тайна? Вы расскажете мне об этом?

– Непременно.

– Вы улыбаетесь? Почему?

– Ты все же задала мне перцу.

Пообедав, она посмотрела несколько выпусков «Ну, погоди». Видела впервые. Бедные эмигрантские дети! И глазки ее стали закрываться. После уговоров повел ее к соседям. На стук никто не ответил. Я завел спящее дитя в их комнату и уложил на койку, стоящую почему-то за шкафом.

Еще через час привлек внимание топот на лестнице, бабий вой, затем в нашу дверь постучали. Я вышел. Соседи-ленинградцы выглядели крайне растерянными, у длинного, как шпала, отца Дженни лица то ли не было вовсе, то ли его перекосило

и увело в сторону спины. Вперед, буквально силой раздвигая тела спутников, вылезла мамаша. Боже! Что с нею? Все лицо в растекшейся туши. Потоки черных слез продолжали стекать, окрашивая морщины. Не лицо, а топографическая карта рельефа горного участка.

– Это ты! Ты! Ты за все ответишь! Уже все... уже полиция!.. о-о-о-о!

– При чем здесь он, Ида?

– Он, он накаркал!.. похитят!.. а-а-а-а!

– Вы простите, она не в себе. Мы уже два часа разыскиваем девочку, это просто кошмар! Обошли весь район, кричали, подключили полицию. Никто в общепитии ее не видел. Куда, куда она могла уйти? К сожалению, мы изрядно выпили. Это против нас... В полиции сказали... Ох! Куда, куда она могла пойти?

– По логике, скорее всего, в вашу комнату. Вы там-то искали?

Все бросились туда и онемели, превратились в изваяния. За шкафом мирно посапывала прелестная беглянка.

– Как же мы ее не заметили?

– Пить надо меньше, – сказал сосед, – звоните в полицию.

Когда все вышли в коридор, Дженифер была бодра, улыбалась. Я ей помахал рукой, и она вынырнула из толпы провожавших, быстро подошла и, приложив палец к губкам, проворковала:

– Спасибо, Владимир. У меня сегодня был замечательный день. День зарождения нашей большой дружбы. Уверена, будет продолжение, и еще какое!

– Прощай, бесподобная Дженифер.

И был награжден поцелуем. Воздушным.

А вот продолжения не было. Ей сейчас 14 лет, не исключено, что у нее другой жених. Понимает ли он, какой это клад, какое сокровище?

Но как бы то ни было, я первый сделал ей предложение! И не был отвергнут.

Гамбург

